

С. С. Сибатрова, Послелого в марийском языке. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1988.

30 мая 1988 г. на заседании Специализированного совета Д 069.02.02 по присуждению ученой степени доктора наук в Тартуском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации С. С. Сибатовой «Послелого в марийском языке». Работа выполнена под руководством профессора П. Аристэ. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук И. С. Галкин (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук П. Кокла (Таллин).

Цель работы С. Сибатовой — рассмотрение послелогов марийского языка как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте. Постановка этого вопроса бесспорно актуальна. Данная группа служебных слов в марийском языкознании системно еще не изучалась и вполне естественно, что в этимологической разработке послелогов встречается много пробелов. Словом, до сих пор отсутствовало целостное исследование, которое давало бы всестороннее представление о категории послелогов. Необходимо отметить также, что имеющиеся работы, по вполне понятным причинам, в определенной части устарели.

Автор поставила перед собой следующие основные задачи: собрать и систематизировать функционирующие в обоих марийских литературных языках и диалектах послелого, осуществить этимологический анализ послеложных основ, выяснить пути возникновения и относительную хронологию происхождения послелогов, дать их морфологическую и синтаксическую характеристику, определить функционально-семантические группы послелогов.

Использованный в работе материал достаточен, он почерпнут из произведений художественной литературы на обоих марийских литературных языках, но что особенно важно — учтен и диалектный язык. Диалектный материал извлечен из рукописного фонда МарНИИ, а также собран автором во время экспедиций. Исследование выполнено главным образом методом сравнительно-исторического анализа с привлечением элементов

лингвогеографического и статистического методов.

Работа состоит из предисловия (с. 4—9), введения (с. 10—35), двух глав (с. 36—109 и 110—186) и заключения (с. 187—191). Завершают ее списки использованной литературы и сокращений.

Во введении дан достаточно полный обзор литературы по марийским послелогам, а также приведена обстоятельная характеристика их. Автор касается здесь между прочим и сложной проблемы разграничения послелогов, с одной стороны, и существительных и наречий, с другой. Она права, присоединяясь к мнению Г. Е. Крейдлина, который подчеркивает размытость этих границ (с. 23).

Первую главу, очевидно, в принципиальном плане и с точки зрения значения для науки следует считать самой весомой. Прежде всего она содержит раздел этимологий послеложных основ. Автор поступила правильно, построив этимологическую словарную статью, исходя из основы и сосредоточив вокруг нее отдельные послелого, указав тем самым, от какой основы они произведены. Правда, она при этом не всегда последовательна. Например, на с. 38 приводится в качестве заглавного слова *вашеш*, хотя на с. 39 утверждается (и вполне справедливо), что исходной формой служит *ваш*. В принципе исходя из основы, следовало и генетически сложный послелог *ваштареш* (с. 39—49) анализировать под заглавным словом *ваш*.

Под заглавным словом *вел* (с. 40) нужно было прокомментировать утрату *l* в вариантах *веки*, *веч(ын)* и т. д. При анализе основы *воктел-* (с. 41—42) автор практически ограничилась декларативным утверждением: «состоит из корня *вокт-* и деривационного суффикса *-ел*» (очевидно, по данным Гордеева), не представив своего анализа или доказательства. В связи с основой *дер* (с. 47) рассматриваются формы *дек(е)*, *дөрк(ө)* и т. д. Сущность форм *с г* и без *г* никак не объяснена. На с. 133 тоже вместе представлены как *деке*, *дене*, *деч(ын)*, так и *деран*.

В одной и той же статье сведены *лоҥга*, *ло*, *кокла*. Среди них *кокла* имеет столь отличающуюся структуру, что его следовало бы привести обособленно. *лоҥга* же по сути остался неэтимологизированным.

В целом при этимологизации послеложных основ автор проявила достаточную компетентность, основательность и самостоятельность. В должной мере учтены ею мнения других авторов, но огрехов она к ним с требуемой критичностью и смогла тем самым предложить ряд новых толкований и множество уточнений и поправок. В этой связи можно выделить хотя бы анализ слов *вошт*, *гисан*, *годым*, *гоч*, *даҥгыт*, *тәйышты*.

В этой главе приводятся обобщенные данные о происхождении марийских послелогов. В отношении проблемы заимствования автор вполне правильно заняла точку зрения, согласно которой «под заимствованными послелогом понимаем такие единицы, которые уже в языке-источнике употреблялись в данной служебной функции» (с. 78). Таким образом, послелог в этом смысле делятся на три большие группы: заимствованные — 20,6%, собственно марийские с заимствованной основой — 32,6%, собственно марийские с незаимствованной основой — 42,4%, послелогов неясного происхождения 4,4%.

В ходе анализа морфологической структуры послелогов выявлено 13 полных серий послелогов с древнепространственными суффиксами. Их характеризует строгая четырехчленность, т. е. серия содержит послелог, образованные с помощью формантов латива на *-ан*, латива на *-ке/-ко/-кõ*, локатива на *-не/-но/-нõ* и аблатива на *-и(ын)*. С локативно-лативными формантами современной марийской падежной системы образовано 10 серий послелогов. Это трехчленные серии и суффиксами являются лативный *-ш*, лативный *-шке/-шко/-шкõ* и локативный *-ште/-што/-штõ*.

Морфологическая структура серийных послелогов с достаточной четкостью представлена в табл. 2 (с. 84—85). Автор верно отмечает, что составные послелог (*деч ончыч*, *деч посна* и др.) представляют собой своеобразное явление в марийском языке (с. 96).

Некоторых проблем автор коснулась

как бы мимоходом. Присоединение посесивных суффиксов к послелогам нуждается в отдельном рассмотрении (может быть, и в особом подразделе). Ведь на базе этих форм складывается все понятие т. н. послеложного местоимения. Отдельного строго очерченного анализа заслуживает и управление. Например, на с. 21 остается неясным, что в данном контексте понимает автор под аблативным управлением.

Послелог в работе делятся на собственные послелог и послеложные слова. Такое принципиальное членение использовалось и раньше, оно мыслимо, однако в определенной мере условно и включает ряд спорных моментов.

В зависимости от исходного слова в работе различаются три ряда послелогов: отыменные (это самая большая группа — 58 единиц), адвербиальные и отглагольные (их всего два: *лийын*, *шумешке*).

Последний раздел первой главы посвящен хронологии. Выделены три хронологических пласта: 1) древнемарийский, относящиеся к которому послелог встречаются во всех диалектах и образованы с помощью древних, в современной падежной системе непродуктивных формантов; 2) современный общемарийский, тоже свойственный всем диалектам, но послелог этого слоя образованы с помощью современных локативно-лативных падежных формантов; 3) новые послелог, характерные для отдельных наречий, среди них есть послелог как с древними, так и с современными падежными окончаниями; этот пласт отличает и большая доля заимствованных основ (примерно 51%). Комментария вместе с примерами предполагает утверждение, что в группе новых послелогов встречаются слова с древними формантами.

Вторая глава содержит функционально-семантическую характеристику послелогов. обстоятельный анализ выявил, что наиболее многочисленны группы послелогов, выражающих пространственные и временные отношения. Они самым разнообразным образом комбинируются между собой, т. е. один и тот же послелог может передавать как пространственные, так и временные отношения. Их функции связуемы и с иными значениями. Далее следуют группы, которые обо-

значают количественные отношения, причинные отношения, целевые отношения и др. Среди послелогов, выражающих пространственные и временные отношения, многие полисемантчны и в том смысле, что указывают как на лативность, так и на локативность, например, *воктелан* (с. 112), *гураш* (с. 118), *кӱргеш* (с. 126).

В этой главе автор тоже целесообразно решила проблему построения материала: послелоги с одной основой приводятся по словарным гнездам, например, *ончыко*, *ончылан*, *ончыч(ын)* (с. 130). Тем самым все их значения и оттенки значений находятся в логической последовательности и их легко проследить.

Как положительную черту следует отметить то, что автор в отношении послелогов, выражающих пространственные отношения, строго разграничила послелоги, выражающие внешнеместные отношения, и послелоги, выражающие внутриместные отношения.

В некоторых случаях представляется, что анализ определенных послелогов не целесообразно размещен в тексте. Так, в связи с послелогами *ѳмбаке*, *ѳмбалне* и т. д. (с. 148) сказано, что сюда относятся и послелоги с основой *вѳл*, *вал*, поскольку они имеют то же значение. А в этимологической части первой главы эти основы вполне обоснованно анализируются в отдельных словарных статьях. И вообще, если исходить из значений, вторую главу следовало бы построить иначе.

В связи с послелогом *негызеш* возникает вопрос, послелог ли это вообще? Ни на с. 62, ни на с. 176 теоретического обоснования нет. Не должно ли интерпретировать это слово как форму латива от существительного *негыз* 'основа', например в сочетании *наука негызеш* 'на основе науки' (с. 176—177). В целом такого рода проблемы автор решила правильно. Например, в результате анализа она пришла к верному выводу о том, что *гоч* и *гыч* — это именно послелоги, а не падежные окончания. Марийскому язы-

ку не свойственно развитие послелогов в падежные окончания (с. 187). Следует, однако, признать справедливым утверждение автора: «Процессы становления марийских составных послелогов в настоящее время нельзя считать полностью завершившимися» (с. 96). Главу заключает обзорная таблица (с. 178—179), в которой показано количество послелогов по разным функционально-семантическим группам.

Композиция исследования С. Сибатровой логична и возражений не вызывает. С удовлетворением можно отметить, что работа хорошо оформлена. Некоторые небольшие недочеты, конечно, имеются. Неожиданным показался рецензенту отказ автора от финно-угорской фонетической транскрипции даже при передаче фонетических развитий (например, с. 46, 51 и т. д.).

Приведенные в данной рецензии некоторые недостатки не умаляют несомненных достоинств исследования С. Сибатровой. Научная новизна его состоит прежде всего в самой сущности работы — это первая монография о марийских релятивных словах. Значительная часть переработанных послелогов вообще этимологизирована впервые. Заслуживает внимания рассмотрение вопроса о генезисе и хронологии послелогов. Вполне естественно, что представлены новые аспекты в части семантики послелогов и их функционирования.

Настоящая работа имеет теоретическое значение для марийского языкознания, общего финно-угроведения и изучения межъязыковых взаимодействий. Представленный в работе богатый материал и результаты анализа несомненно найдут широкое практическое применение в преподавательской деятельности марийских вузов. Положения исследования послужат источником при написании грамматик и учебников марийского языка, а также при составлении марийских словарей.

ПАУЛЬ КОКЛА (Таллин)